

30 ОКТЯБРЯ № 7 2000

Эта памятная дата установлена не государством. Тридцатое октября объявили Днем политзаключенного сами узники политических лагерей, боровшиеся за свободу и победившие в этой борьбе. Решение Верховного Совета России от 18.10.1991 г. внесло его в государственный календарь под названием «День памяти жертв политических репрессий». Но это было лишь признанием уже одержанной победы.

«Я думаю, что все мы ощущаем особый духовный трепет на этом месте, где погибли за веру и правду тысячи наших соотечественников, погибли безвинно в тяжелые годы репрессий. В этом году на юбилейном Архиерейском Соборе Русская Православная Церковь утвердит празднование Собора новомучеников и исповедников Российских. Имена многих неизвестны и никогда не будут явлены миру...»

из проповеди Патриарха Алексия II

ХРОНИКА БУТОВСКОГО ПОЛИГОНА

Бывший спецобъект НКВД «Бутово», площадью около 200 га, находится в юго-западной части Москвы, в лесопарковой зоне, на 27 км Варшавского шоссе.

Спецобъект включает в себя так называемый «стrelковый полигон», впоследствии ставший самым крупным в Москве местом массовых расстрелов и захоронений жертв политических репрессий.

1920-е годы. История спецобъекта «Бутово» начиналась с детской трудовой колонии, использовавшей жилые и хозяйственные постройки находившейся здесь усадьбы.

1920-1930-е годы. На территории спецобъекта в разное время располагались сельскохозяйственная колония НКВД, жилые зоны лагпунктов, склады и производственные помещения НКВД.

1937-1938 годы. Летом 1937 года территория объекта с четырех сторон была в несколько рядов огорожена колючей проволокой.

Внутри объекта создается спецзона, огороженная также колючей проволокой. Она обозывается «стrelковым полигоном». Некоторое время проводятся стрельбы — для «привыкания» местного населения.

С августа 1937 по октябрь 1938 года здесь были расстреляны и захоронены 20 762 человека. В основном это жители Москвы, Московской и близлежащих областей, среди них немало число иностранцев.

1941 год. По свидетельствам местных жителей в спецзоне возобновились расстрелы и захоронения жертв репрессий.

1946 год. На территории спецобъекта создается крупное многоотраслевое подсобное хозяйство для снабжения продуктами чекистов.

1949 год. Военнопленные немцы ведут строительство небольшого поселка из трех жилых домов ведомственного назначения. Одно из них занимает Школа секретных служб ряда стран. Строятся склад для конфискованного имущества реабилитированных, бани, котельная.

1950-1960-е годы. В середине 50-х годов большая часть спецзоны, где сосредоточены захоронения, обнесены глухим забором с колючей проволокой (площадь — 5,56 га). Зона строго охраняется как якобы «ведомственный сад».

1967-1989 годы. Все грехи звучат требования общественности (в первую очередь «Мемориала») рассекречить архивы КГБ, указать места массовых захоронений жертв режима.

1989 год, январь. Указ Президиума Верховного Совета СССР о реабилитации жертв политических репрессий.

1990 год. КГБ Москвы и Московской области официально называет Бутовский полигон местом массового захоронения реабилитированных.

1993 год. По инициативе московской группы по увековечению памяти жертв репрессий, руководимой М. Б. Миндлинским, при содействии московского правительства установлена мемориальная плита.

1994 год. По благословению Священного Патриарха на полигон установлен памятный крест.

В том же году создается Община храма свв. Новомучеников и Исповедников Российских в Бутово.

1995 год. Территория бывшей спецзоны передана Русской Православной Церкви. Начинается строительство деревянного храма свв. новомучеников и исповедников Российской.

Л. Г.

РЕАБИЛИТАЦИЯ... ПАЛАЧЕЙ?

В последнее время внимание общественности привлек один судебный казус, получивший достаточно широкий отклик в прессе и даже вызвавший дискуссию. Суть ее такова.

Был ли товарищ Берия только палачом, убийцей сонма своих подневольных сограждан? Или же палачом, убийцей, но хорошим хозяйственным умом? Или же хорошим хозяйственным и большим умом, но все же палачом и убийцей? И т.д., и т.п.

Вот, оказывается, в чем вопрос. Не правда ли, содержательная дискуссия?

Вроде бы думать больше не о чем...

Эти же дискуссионные вопросы относились и к небольшой группе ближайших сотоварищ-подручных и однодельцов Лаврентия Павловича, в свое время осужденных заодно с ним. Те сотоварищи, хотя калибром и поменьше своего ше-

Лубянка. Внутренняя тюрьма НКВД. 1990-е годы. Фото И. Гаврилова

конечно, обидно. Да что поделать — такая им выпала карта. Но, с другой стороны, ведь меньшинами преступников они не стали, оттого что судили их, а не иных...

Так вот, эти дети — важные седовласые господа — выбрали совершенно правильную тактику: долбить и долбить в одну судебную точку. И на этот раз некоторые из

них додолбились-таки своего (лихача — начало): Военная коллегия Верховного суда РФ частично реабилитировала двух бериневских министров внутренних дел двух республик и одного начальника следственной части по особо важным делам МГБ.

Удача выпала троим. И частичная... Пока что...

Находчивый сын одного из двух частично реабилитированных министров хорошо поставленным голосом пропел с телевизора привычную осанну «диктатуре закона». Вот она, мол, в действии *наша* диктатура закона! Так что все еще впереди...

Ладно. То — дети. Зов родной крови, уязвленное фамильное самолюбие. (Как это с ними так можно!?)

А что думают другие?

Вот некоторые высказывания, прозвучавшие по телевидению.

Известный историк — с пафосом о том, что не кто иной, как сам... академик Сахаров взялся нахваливал ему Лаврентия Павловича: мол, не будь Берии, остались бы без вооруженной бомбы, а без нее, родной, не жить нам всем на белом свете... (Но так ли думал и говорил Андрей Дмитриевич на самом деле?)

В другой телепередаче. Дама преклонных лет. В прошлом — актриса.

Продолжение на с. 3

ЖИЗНЬ ОБЪЕДИНЕНИЯ

О ПОПРАВКАХ К ЗАКОНУ
«О РЕАБИЛИТАЦИИ ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ»

Первое чтение законопроекта об изменениях и дополнениях к Закону «О реабилитации жертв политических репрессий» произошло на заседании сессии Государственной Думы. На сегодняшний день получены заключения по законопроекту от Правительства РФ и от правового управления аппарата Госдумы. Правительство РФ (заключение подписано В. Матвиен-

ко) «не поддерживает представляемый проект федерального законодательства о поправках к закону № 1995 года и Верховного суда по делу Бернадкевича. В.В. Усманов просил обратиться на это внимание при обсуждении проекта за кона «Об изменениях и дополнениях к Закону о реабилитации жертв политических репрессий» и включить его рассмотрение, «чтунуть», что эта проблема касается премьер-министра мало заинтригованных сло-

вов населения: пенсионеров и инвалидов преклонного возраста».

С другой стороны, В.В. Усманов

(в то время генеральный прокурор РФ)

выяснил Г.Н. Селезневу информацией, в которой напомнил об изме-

нениях, нам решениями Конституционного суда 1995 года и Верховного суда по делу Бернадкевича. В.В. Усманов просил обратиться на это внимание при обсуждении проекта за кона «Об изменениях и дополнениях к Закону о реабилитации жертв политических репрессий» и включить его рассмотрение, «чтунуть», что эта проблема касается премье-

рственным мало заинтригованных сло-

вов населения: пенсионеров и инвалидов преклонного возраста».

Гуманитарно-благотворительный центр «Сострадание» был за

регистрирован как самостоятель-

ная организа-

ция в феврале 1992 года. Гуманитарная национальная рабо-

та начала

в 1989 году.

Людей с искалеченными, сломанными жизнью, отчаянно пук-дающимися в помощь, было много

всегда.

А сострадание, как сего-

дня, катастрофически не хватало.

Под эгидой общесоюза «Мако-

ад» начали работать благотвори-

тельная программа медико-психо-

ической израсходована на инди- в, дабы те огромные средства, ко- которые собрали наши народные поддержку междисциплинарной ком- мансы, состоящей из руководства нации на войне, а на уход за старика- ми и социальной работе, под начальством которых работали более

100 патронажных сестер и врачей различных специальностей. За пол-

года была оказана помощь бо-

льше 1000 человек, ежемесячно же

когда-то

реабилитированы посмертно), от

9 лет

в морковских лагерях, в своих 80 лет осталась совершенно

одинокой и могу рассчитывать

на

деньги

Р.М. Гендельман, 94 года).

или мы им за грех или и нас не было на это денег». Действует «Молодежный добровольческий центр», во главе которого стоят 28 участников которого безвозмездно отдают свое свободное время и чистые души для оказания помощи одноклассникам старшеклассникам. Наконец, есть еще проект по созданию детского центра социальной сфере для молодых людей, отказавшихся от военном лагеря, службы по патриотическим убеждениям.

Мы вынуждены констатировать, что сегодня основная масса наших подопечных — люди настолько

тили мы им за грех или и нас не было на это деньги». Действует «Молодежный добровольческий центр», во главе которого стоят 28 участников которого безвозмездно отдают свое свободное время и чистые души для оказания помощи одноклассникам старшеклассникам. Наконец, есть еще проект по созданию детского центра социальной сфере для молодых людей, отказавшихся от военном лагеря, службы по патриотическим убеждениям.

Рекомендуется сразу заполнить

заявку на

стажировку в суд по месту своего жительства.

И беззастенчивую кару научных

скептиков, технологий разных стран (под его неусыпным руководством) — туда же, в заслугу...

Нет, пожалуйста, господин...

Одно я знаю — или то, или

другое. Если, скажем, злоподобно,

то, значит, это не у него, а совсем

наоборот, от полного безумия.

Как же это у него, если в конеч-

ном счете рано или поздно все

всего

приведет

к

заявление о помешанности в детском

и

представлять в суде на заседании

детей...

В 4. Случай полного отсутствия ре-

шения

суда первой инстанции

в связи с

заявлениями о реабилитации

и

заявлениями о реабилитации

</div

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Продолжая тему мемуаров, мы публикujemy выдержки из статьи М.М. Кораллова «Следя алфавитом...», помещенной в январско-февральской книжке журнала «Борьбы литературы» за 2000 год. Выступая за «иргужий столом» редакции, М.М.Кораллов высказал свое мнение по проблемам современной мемуаристики. Отдавая себе отчет в том, что мемуары – не только литературная проблема, но и общественная, редакция оставляет тему открытой и тем самым приглашает к разговору о мемуарах всех тех, кто интересуется этой проблемой...

...Со «Слова о полку Игореве» – во всяком случае, начиная с «Жития пропоты Авлакумы» – в литературе России, на мой взгляд, четко обозначились две темы: Война и Торьма. И еще вопрос: какая из них важнее – в особенности для второй половины нашего века.

Вывод этот вовсе не является моим открытием. Подтверждается он не только трагическим ходом нашей истории. Со времен Достоевского и Толстого, мечтавшего посидеть в тюрьме, Чехова, гражданскою долгом своим посчитавшего поездку на Сахалин, сибирский каторжный тракт превратился в поток, широкий, как Енисей и Лена, сливающиеся воедино.

Для литераторов, чей исторический кругозор исключает узость подхолов к магистральной теме, следящий вывод вовсе не теорема, требующая доказательств. Аксиома. Абзука.

Переведенная на несколько языков книга недавно умершего в Париже Михаила Геллер «Концептуальный мир и советская литература» в разделе «Избранная библиография» включает в себя больше двухсот названий. Добавлю, что добротному исследованию М.Геллера нынче исполнилось не менее четырех лет. При всех достоинствах книги она устарела.

На чем выстроен труд, если не касаться литературы историко-политической, скажем, пятитомной «Истории царской тюрьмы» М.Гернета, речей А.Вышинского, Ф.Дзержинского, Н.Крыленко, И.Сталина, Л.Троцкого...

Если оставить за рамками петречки, допустим, книги А.Авторханова, С.Мельгунова, Р.Иванова-Разумника, а называть лишь воспоминания Е.Гинзбург, Н.Мандельштам, Ю.Марголина, Александры Толстой... – иными словами, во всех странах Европы, переживших оккупацию, а позднее в Израиле, привыкшим немало узнавать Мauthausen, Dachau и других лагерей, образовался литературный пласт, способный отвечающий масштабу исторических потрясений. Жестких границ между отечественной и зарубежной тюремно-лагерной мемуаристикой нет, как нет их в субъектах «пления», учелавших в немецких застенках, чтобы потом, возвращаясь на родину, оказаться снова за проволокой.

...Совершенно ясно, почему в до-перестроечные времена редакторы и критики проявляли к запретной теме сдержанность. Но, кроме цензуры, существовали иные мотивы, объяснявшие умолчание. Позволить себе искренний, деловой, и, следовательно, не свободный от упреков разбор воспоминаний узников означало исполнить официозный заказ, тем самым поддержав неугнетенных, а угнетателей.

Означало нападать на страдальцев, на жертв. Нравственного права судить вообще не имели те, кто не отведал тюремной похлебки. К тому же их обрекали на молчание в лучшем случае поверхностное знание предмета. Даже зоркие критики, как правило, не сознают, что в веке XX проживший несколько эпох и неизбежно менявший взгляды мемуарист проходил путь, который делится на этапы. Одно дело – жизнь до ареста (ранг, профессия, возраст...). Другое – зависимое от первой ступени поведение в тюрьме, на следствии. Ежели арестант не был расстрелян и не погиб в застенке, дальше шла дорога лагеря. Она, в свою очередь, делится на части и бывает то геронимистикой, то конформистски-извилисткой. Духовно-нравственный художнический подвиг мемуариста на волне отнюдь не означает, что в

многолетней подруги А.Мироновой (в старости – Король), в молодости – жены высокопоставленного чекиста, а потом «зэчки», прошедшей тюрьмы и лагеря...

Но имею право миновать здесь Московское историко-литературное общество «Возрождение». Родилось оно тогда же, когда родился «Мемориал», – в 1989 году. Оно объединяет бывших узников ГУЛАГа и задачу свою видит в сохранении исторической памяти народа, в исследовании преступлений тоталитарного режима, в создании летописи Сопротивления. Кроме шестидесяти – примерно – книж мемуарной прозы, общества, возглавляемое С.Висленским, выпускает журнал «Воля», библиотечку арестантской поэзии.

Зоне он совершил один лишь побег. Случается, он в лагере заплатил очень дорого, чтобы выжить, и подвиг на волне пролитой кровью покаяния. Подчеркну: мужество в зоне не искалько крыха на следствии, а подлости до ареста – отваги в лагере. Жизнь мемуариста – то квадрат, то восмиконечник.

...Отечественный и тем более заокондный читатель сегодня воспринимает тюремные мемуары как бы издателя, словно линия горизонта – прямую и ровную. Читателя можно понять и простить. Он устал от войны в Югославии и от горя обездоленных беженцев, покидающих после раз渲а Союза Таджикистана, Узбекистана, Казахстана, Киргизии. Он, читатель, устал от Карагири.

Викторович отправил с ним рукопись.

Но сколько же можно искать оперечистский отдел? Свет в кабинке горел и горел. Литератора накрыли, крамола налицо. Дальше – по нотам. Следствие, суд, второй срок, тоже банальный. Но теперь бандальными стали уже не восемь лет, а двадцать пять. Беликова препрывают поэтому в Майкуду, где ему, безусловно, опять повезло. В ту пору «враги народа», «политики», сломали хребет «друзьям народ», уголовникам. Нарядчик и его холуи поняли, что почем. Беликова удалось положить на блестящее место – у печки, в «партере», зачислить в инвалидов бригаду, не выходившую за зону утираты рогами.

желал садиться за мемуары: ему было о чем помалкивать.

К счастью, недавно вышла книга Андрея Владимировича Трубецкого «Пути неизвестных». Князь попал в плен, умирал. Спасенным родичами, совершил короткое путешествие по военной Европе. Презрев благополучие, ушел в партизанский отряд сражаться за родину. Получил боевые награды. Взялся истово грызть гранит науки – тоже в МГУ, – чтобы вскоре попасть в Джезказган, в ту сверхрежимную бригаду, где «загорял» вместе с Михаилом Кудиновым.

Лет тридцать писались они, воспоминания князя. Появились на свет, потому что оплатить издание помогли друзья и родичи.

...22 мая 1999-го в Москве состоялась презентация мемуаров Ержи Эйхорна «Избранный выжить». Польский еврей, спасенный русскими танкистами, совершившими прорыв во вражеский тыл и тем самым спасшими от расстрела последних узников гетто, Ержи Эйхорн является сегодня шведским врачом и общественным деятелем, председателем Королевского онкологического фонда, почтенным доктором многих университетов, долголетним председателем Нобелевского комитета по физиологии и медицине, членом парламента с Христианско-демократической партии...

Автор десятков, если не сотен научных трудов и публикаций, Ержи Эйхорн почувствовал, что не вправе покинуть бренный мир, не оставил воспоминаний о пережитом в годы второй мировой, о гетто, об Армии Людей и Крайовой, о еврейских партизанских отрядах... Книга немедленно стала бестселлером. В один лишь Швеции тираж достиг сотни тысяч. Мемуары уже переведены на разные языки. В отличном переводе Сергея Штерна книга вышла в Санкт-Петербурге в издательстве «Всемирная литература» тиражом в три тысячи экземпляров. Ясное дело, за счет автора и его поклонников. Очень заманчиво было бы сопоставить мемуары доктора наук Е.Эйхорна – их опыт военных лет перекликается. Прощу, однако, поверить на слово: не говорившиеся, мемуаристы великолепно поддерживают друг друга.

...О Кентире написано и напечатано не так уж мало. Но мировой резонанс восстание обрело через двадцать лет, когда вышел последний том «Архипелага». Глава Кентира задумана как вершина повествования. Иные, причем опытные, сидельцы, например Леонид Сингерт, напечатавший недавно страницы из своих мемуаров в «Новом мире» и «Знамени», полагают, что Солженицын сидел и в Кентире. Неверная догадка. Писатель выжал необходимое из участников или – чаще, пожалуй, – очевидцев событий, доверивших ему свою рукопись. После того, как в «Новом мире» появился «Один день Ивана Денисовича».

...Убежден, что давно наступила пора выверять мемуары эзиков данными историко-архивными, хотя циничной и бескостной лжи в некогда совершенных досье не три, а триста три коробки. Убежден, что давно пора выверять и архивные сведения мемуарами бывших узников. Иначе достоверной картины XX века нам не видать. Остатки поклонений, на собственной шкурке познавших истину о Великой войне и Великой Торьме, поклонений, способных еще о ней сильно поведать, уходят в небытие. На XXI век и третье тысячелетие у меня надежд малоат.

Марлен КОРАЛЛОВ

СЛЕДУЯ АЛФАВИТУ

Нет возможности, нарушая регламент встречи, разбирать обоймы (О.Волков, Ю.Домбровский, Д.Лихачев, В.Шаламов) и тем более погружаться здесь в прозу, поэзию, драматургию, кинематограф, живопись, скульптуру, созданные на лаперные сюжеты. Оставляю за скобками издательства и журналы, обращавшиеся к нам «по случаю», не вырабатывая курса, хотя среди этих «случайных вещей» встречались произведения замечательные. Но, сурою ограничивая себя, напомню все-таки: кроме воспоминаний отечественных, после второй мировой войны на Западе, конкретней – в Германии, Польше, Голландии, Дании, Франции, иными словами, во всех странах Европы, переживших оккупацию, а позднее в Израиле, привыквшем немало узнавать Мauthausen, Dachau и других лагерей, образовался литературный пласт, способный отвечающий масштабу исторических потрясений. Жестких границ между отечественной и зарубежной тюремно-лагерной мемуаристикой нет, как нет их в субъектах «пления», учелавших в немецких застенках, чтобы потом, возвращаясь на родину, оказаться снова за проволокой.

...Совершенно ясно, почему в до-перестроечные времена редакторы и критики проявляли к запретной теме сдержанность. Но, кроме цензуры, существовали иные мотивы, объяснявшие умолчание. Позволить себе искренний, деловой, и, следовательно, не свободный от упреков разбор воспоминаний узников означало исполнить официозный заказ, тем самым поддержав неугнетенных, а угнетателей.

Означало нападать на страдальцев, на жертв. Нравственного права судить вообще не имели те, кто не отведал тюремной похлебки. К тому же их обрекали на молчание в лучшем случае поверхностное знание предмета. Даже зоркие критики, как правило, не сознают, что в веке XX проживший несколько эпох и неизбежно менявший взгляды мемуарист проходил путь, который делится на этапы. Одно дело – жизнь до ареста (ранг, профессия, возраст...).

Другое – зависимое от первой ступени поведение в тюрьме, на следствии. Ежели арестант не был расстрелян и не погиб в застенке, дальше шла дорога лагеря. Она, в свою очередь, делится на части и бывает то геронимистикой, то конформистски-извилисткой. Духовно-нравственный художнический подвиг мемуариста на волне отнюдь не означает, что в

баха и Чечни, Ингушетии и Осетии, Абхазии и Грузии.

...Естественно, что он, читатель, не склонен каждый день вспоминать 37-й, который вроде бы далек, далеско... Между тем 37-й неотделим от поражений в 41-м, а tragedии современности – от преступлений, совершенных в сталинском и послесталинском прошлом. Нынешний миллион арестантов – от поколений, перемолотых ГУЛАГом.

...И все же, к примеру, мой первый лагерь – Майкудук (окраина Караганды) – по сей день явно не дооценен. Начну по алфавиту.

После третьего побега и, значит, очередного следствия, суда, с общим сроком больше восьмидесяти лет к нам прибыл Чабуа Амирэджиби.

Вскоре – мой кровный дружок,

а через четверть века автор едва ли не лучшего грузинского романа.

«Дата Туташхи» переведен на десятки языков мира.

Поставленный по роману семисерийный фильм «Берега» смотрели миллионы – и здесь, и за рубежом. Но кому из этих миллионов известно, что условно-исторический, опрокинутый в эпоху Пятого года, по форме авантюристично-приключенческий роман в действительности имеет мемуарное содержание? В роман введен в десятках языков мира. Поставленный по роману семисерийный фильм «Берега» смотрели миллионы – и здесь, и за рубежом. Но кому из этих миллионов известно, что условно-исторический, опрокинутый в эпоху Пятого года, по форме авантюристично-приключенческий роман в действительности имеет мемуарное содержание?

...В романе Туташхи, в котором я впервые упомянут, ярко описано восемь лет, которые отбывал в обычном исправительно-трудовом, у точно – сельскохозяйственном, лагере «Долинка», расположенному рядом с Майкудуком. «Рядом» – по казахстанской мерке.

Ясное дело, А.Беликов сельским хозяйством в «Долинке» не занимался. Единственный ребенок

из семи детей, с детства

на краине болезненный, он и дома, и в лагере не ведал о прозе жизни и поэзии

был приговорен к смертной казни.

К счастью, А.Беликов выжил и, значит, не умер в Майкудуке.

Дочерний долг исполнен, книга заслужила почетное место в мемуарном ряду.

Безжалостно – до беззрности – скрашивающая длины ряд, но все же следуя алфавиту, закончну страницы о Майкудуке на букве «У».

Михаил Петрович Якубович стал персонажем «Архипелага». Верный

изданию своему расчету и темпераменту. Солженицын истратил на Якубовича одну лишь черную краску.

Но Якубович отсидел не восемь лет, как Солженицын, а двадцать восемь, к тому же в условиях, не сравнимых с условиями в научно-инженерной шаре. На пересыльный

Майкудук его привезли, когда очредный срок закончился, чтобы еще

два года свободный зэк ждал московской бумаги, продлевавшей ему

исправительно-трудовое воспитание.

Якубович шел тогда восьмой

дестято. По пути, М. Я. не вышел на

свободу и тогда, когда был отпущен:

после XX съезда. Инициальный

дом поблизости от Майкудукова он пред

положил Москву, Ленинград, где роди

лась и ушла ждать его. Устали

от постоянного страха.

...Долго не влезло Джезказгану.

Мемуары о нем вправе были и мог

написать Михаил Кудинов, сначала

студент МГУ, после выхода на

волю – переводчик французской

поэзии, а в Джезказгане – член

особо опасной сверхрежимной

бригады, не случайно закончив

на волне неволи в Казанской

торьме. Покойник решительно не

Историко-просветительское,
благотворительное
и правозащитное общество
«МЕМОРИАЛ»

Адрес: 103051 Москва,
Мал. Каретный пер., д. 12
Тел.: (095)299-6478
Факс: (095)973-2094
e-mail: gazeta@memo.ru

Номер готовили
В.О.Дунаева
Е.Б.Жемкова
Я.З.Рачинский
Главный редактор
Г.С.Шведов

Литературный редактор
М.М.Самохина
Ответственный секретарь
А.И.Егоров
Макет Л.С.Бахурина

ГАЗЕТА «30 ОКТЯБРЯ» ЗАРЕГИСТРИРОВАНА В МИНИСТЕРСТВЕ ПЕЧАТИ И ИНФОРМАЦИИ. Рег. № ПИ 77-1783 от 29.02.2000
ГАЗЕТА ВЫХОДИТ КАЖДУЮ ЧЕТВЕРТУЮ НЕДЕЛЮ МЕСЯЦА © Ссылка при перепечатке или цитировании обязательна